

Гора Саньтоу в уезде Жунъян.

У подножия раскинулись рисовые поля; молодая рассада сочно зеленела, источая приятный аромат. Крестьяне, собравшись кучками, заворуженно смотрели вверх, где по узкой горной тропе поднимался юноша.

Он шел статно и прямо. Простая, добротная одежда подчеркивала его стройную, крепкую талию. Иссиня-черные волосы были аккуратно собраны, на поясе висел кинжал, а за спиной — лук и колчан со стрелами. Каждое его движение дышало жизненной силой и каким-то особым благородством.

Селяне то и дело перешептывались, снедаемые любопытством.

— Чей это парень? Неужто не боится идти в горы один-одинешенек?

— Что-то лицо знакомое... Кажется, это... молодой господин, сын нашего уездного начальника! Я видел его мельком, когда ходил в город за лекарствами для матери.

— Тот самый добрый и смысленный господин Юань? Зачем же ему на Саньтоу? Там ведь полно зверья: шакалы-людоеды, волки, леопарды!

— Даже наши охотники не рискуют соваться туда в одиночку!

Ропот не утихал, людей у подножия становилось всё больше.

Вдруг в конце размытой дороги показалась простая повозка в сопровождении нескольких слуг. Копыта лошадей поднимали фонтаны грязи, пачкавшие одежду, но никто не обращал на это внимания. Как только экипаж замер, предводитель группы, охваченный тревогой и горем, бросился к тропе и упал на колени.

— Молодой господин, как же вы решились идти в горы один!

Голос старого слуги сорвался на рыдания. Утирая слезы, он запричитал еще громче:

— Госпожа тяжело больна. Мы обыскали все лавки в Жунъяне, но не нашли нужной травы. Лекарь сказал, что она растет только на горе Саньтоу. Но разве можно идти туда самому!

Слуги за его спиной тоже начали всхлипывать:

— Молодой господин, умоляем, вернитесь!

Старик охрип от отчаяния, каждое его слово было пропитано болью:

— Ваш покорный слуга знает, как вы преданны матушке, что не страшитесь ни волков, ни барсов. Но горы Саньтоу слишком коварны. Просим вас, господин, одумайтесь!

Крестьяне вокруг ахнули, наконец осознав суть происходящего:

— Так вот оно что! Сын начальника уезда отправился в логово зверей, чтобы добыть лекарство для матери!

У многих на глаза навернулись слезы.

— Мы и раньше слышали о его сыновней почтительности, но чтобы зайти так далеко...

Смотрите, чем громче они зовут, тем быстрее он идет. Просто не хочет, чтобы его остановили!

Один старик тяжело вздохнул:

— Если бы у меня был такой сын, я бы и в могиле улыбался от счастья.

В эпоху династии Северная Чжоу верность государю и почитание родителей были столпами общества. Всякий, кто проявлял эти качества, пользовался глубочайшим уважением народа.

Но как бы ни кричали слуги, юноша в легком весеннем наряде не остановился. Решительным шагом он скрылся в густой чаще.

В этот момент из повозки раздался утомленный женский голос:

— Довольно, управляющий Линь. Раз он так тверд в своем желании исполнить сыновний долг, не препятствуйте ему более.

Управляющий Линь замолчал и лишь низко склонил голову, беззвучно сотрясаясь в плаче.

Спустя некоторое время люди у повозки поспешно покинули подножие горы. Крестьяне тоже разошлись — смотреть больше было не на что. Двое жилистых крестьян обменялись многозначительными взглядами и, незаметно покинув рисовые чеки, вышли к безлюдному участку дороги.

Именно там остановился экипаж супруги уездного начальника.

Крестьяне подошли ближе и прошептали:

— Управляющий, всё сделано в лучшем виде.

Линь, на лице которого не осталось и следа от недавнего горя, бросил им мешочек с серебром.

— Вы знаете, что говорить, а о чем помалкивать, — холодно отрезал он. — Берите деньги и держите язык за зубами.

Те закивали и, пряча серебро, поспешно скрылись.

Внутри повозки госпожа Чэнь, прислонившись к мягкой подушке, выглядела бледной, точно после тяжелого недуга. Румяна на щеках должны были придать лицу жизни, но лишь подчеркивали её изнуренный вид.

— Госпожа, кажется, всё прошло успешно, — с радостью в голосе произнесла служанка, подавая хозяйке чашку чая. — Теперь ваши труды не пропадут даром.

Госпожа Чэнь открыла глаза и невольно улыбнулась. Она взяла чашу твердой рукой — в этом жесте не было и тени болезненной слабости.

— Мы с мужем приложили немало усилий ради того, чтобы Юань Ли прошел отбор в столицу, — сказала она.

Сегодняшний «поход в горы за лекарством» был лишь спектаклем, который они разыграли.

В нынешние времена стать чиновником можно было лишь по рекомендации. Для влиятельных семей это не составляло труда, но людям скромного достатка, вроде них, приходилось из кожи

вон лезть, чтобы выхлопотать место для своих детей.

Семья Чэнь, из которой происходила госпожа, имела вес в уезде, но за его пределами их никто не знал. А её муж, Юань Сун, был выходцем из простых людей и получил должность лишь благодаря покровительству наставника. Его связей явно не хватало для блестящего будущего сына.

Чтобы Юань Ли преуспел, первым делом нужно было создать ему безупречную репутацию.

Служанка подошла к госпоже сзади и принялась разминать ей плечи.

— Матушка, не извольте беспокоиться. С талантами и добрым именем нашего молодого господина он непременно попадет в Государственную академию.

Одной репутации было мало — требовались знания. Сейчас квоты на экзамены монополизированы знатью, поэтому для выходцев из низов единственный путь — академия. Лишь закончив обучение там и получив рекомендацию учителя, можно было рассчитывать на государственную службу. В Государственной академии учились лучшие из лучших — либо сказочно богатые, либо невероятно одаренные. Если Юань Ли попадет туда, считай, половина дела сделана.

Госпожа Чэнь отпила чаю, и на её чело вновь набежала тень тревоги.

— Это не так просто. Даже в академии всё зависит от ранга и заслуг предков.

В системе образования было три ступени: Высшая школа для детей высшей знати, Великая школа и Школа четырех врат.

Её муж — всего лишь мелкий уездный начальник. Если не задействовать все возможные связи, их сыну вовек не видать стен академии.

— К тому же в Жунъяне не мы одни. Есть еще семьи Вэй и Ван, — госпожа потерла виски. — За одно место идет нешуточная борьба, а Вэй и Ван к тому же задумали породниться через брак. Счастье, что наш Ли-эр талантлив и прилежен. Он затмил их детей, иначе сегодня по уезду разносилась бы слава не о нашем сыне, а об их отпрысках.

Служанка мягко прошептала:

— Не тревожьтесь, госпожа. Не знаю почему, но когда я смотрю на молодого господина, я верю — он обязательно добьется своего и станет учеником прославленного мастера.

Госпожа Чэнь усмехнулась. Хоть Юань Ли был еще юн, он всё просчитывал с поразительной точностью, а его манеры уже вызвали восхищение. Разве мог такой ребенок довольствоваться малым?

Сделав еще пару глотков, госпожа напомнила:

— Сходи и накажи людям в лесу, чтобы они глаз не спускали с молодого господина.

— Сию минуту, — улыбнулась девушка.

— Погоди, — остановила её госпожа Чэнь.

Она вытерла губы платком, снимая вместе с остатками чая белила и пудру. Под ними

показались яркие, здоровые губы. Она прикрыла глаза:

— Наложите мне грим заново. Я должна выглядеть так, будто едва оправилась от смертельной болезни.

— Будьте покойны, госпожа.

Служанка омыла руки, задернула занавески повозки и принялась за работу.

Тем временем Юань Ли быстро продвигался вглубь леса.

Как только он миновал места, где могли встретиться люди, из зарослей вышли три десятка охранников. Предводитель с суровым лицом сложил ладони в приветствии:

— Молодой господин.

Юань Ли кивнул и улыбнулся:

— Начальник стражи Мэн, вам и вашим людям пришлось нелегко в эти дни.

Поскольку всё это было игрой, он не мог вернуться через день. Чем дольше он пробудет в горах, тем правдоподобнее будет звучать история о его подвиге. Юань Ли решил остаться здесь дня на три, а то и на пять.

С этими мыслями он вновь мысленно обратился к видению в своей голове.

[Энциклопедическая система активирована.]

[Задание: Поступить в Государственную академию.]

[Награда: Технология варки мыла.]

У Юань Ли был секрет: он не принадлежал этому миру.

В прошлой жизни он был первоклассным специалистом по тыловому обеспечению и военной логистике. После перерождения он оказался в эпохе Северной Чжоу, сохранив все воспоминания, но долгое время система в его сознании оставалась мертвым грузом.

С момента активации она не принесла ему никакой пользы. Лишь три строки текста, холодно сулящие награду за выполненное задание.

Юань Ли относился к этой штуке с осторожностью, но их цели совпадали: ему нужно было попасть в академию и пробиться в чиновники. Стоило проверить, что изменится, когда он действительно добьется цели.

К тому же, рецепт мыла был крайне заманчив.

Юань Ли понимал: этот мир стоит на пороге великих потрясений. Его истинной целью было создание собственной армии, чтобы устоять в грядущем хаосе.

А так как его специализацией в прошлой жизни было снабжение и управление ресурсами, он лучше других знал, сколько денег для этого потребуется.

Проблема заключалась в том, что у сына мелкого чиновника таких средств попросту не было.

Со вздохом Юань Ли закрыл системное окно.

Гора Саньтоу была самой большой в округе, её отроги тянулись далеко за пределы Жунъяна, достигая соседнего уезда Саньчуань.

Юань Ли успел набрать приличное количество трав, и их группа незаметно перевалила с южного склона на северный. В тени скал внезапно повеяло холодом. Юань Ли вздрогнул и огляделся. Здесь всё было иначе: скудная растительность, голая земля, унылые засохшие ветви — словно другой мир.

Лицо начальника стражи Мэна внезапно осунулось. Он указал вдаль:

— Господин, взгляните скорее.

Юань Ли посмотрел в ту сторону и увидел группу оборванцев, пробиравшихся через лесную чащу.

Они были настолько истощены, что казались живыми скелетами. В руках у каждого было по топору или каменному ножу; их губы потрескались от жажды, и они постоянно сглатывали слюну, изнывая от голода. Станным было то, что группа состояла исключительно из крепких мужчин в самом расцвете сил.

Вид у них был далеко не дружелюбный.

Юань Ли нахмурился и жестом приказал своим людям затаиться. Они бесшумно двинулись следом.

«Впереди пахотные земли Жунъяна», — пронеслось в голове у юноши, и он крепче сжал рукоять кинжала.

Понаблюдав за незваными гостями, Мэн негромко произнес:

— Молодой господин, я вспомнил. Прошлой зимой в Ханьчжуне совсем не было снега, а с приходом весны не выпало ни капли дождя. Поля высохли, а за засухой неизбежно придет саранча. Чтобы спастись, люди целыми семьями бегут в Лоян. Судя по виду этих бедолаг, они как раз оттуда.

Юань Ли задумался:

— Но как они оказались в наших лесах?

Мэн горько вздохнул:

— Вы же знаете, Лоян — столица империи. Кто позволит беженцам войти в город? Людям некуда податься, вот они и рыщут по окрестным уездам. Но раз столица их не принимает, то и маленькие города боятся давать им приют. Кто-то умирает с голоду, а кто-то уходит в горы и сбивается в банды. По мне, эти люди очень похожи на разбойников.

Юань Ли опустил глаза и тяжело вздохнул.

С того самого момента, как Юань Ли осознал, что попал в глубокое прошлое, он понял: этот мир будет к нему беспощаден.

Древность оказалась куда суровее будущего. Здесь у простого люда не было никаких прав, а

жизнь стоила меньше горсти зерна. Именно поэтому Юань Ли стремился во что бы то ни стало занять свое место под солнцем в эту эпоху хаоса. Он понимал, что не сможет спасти всех, но хотел сделать всё возможное, чтобы уберечь хотя бы тех, до кого дотянется рука. И всё же, несмотря на внутреннюю готовность, зрелище, открывшееся ему на северном склоне, отозвалось в сердце острой болью.

Впрочем, Юань Ли быстро подавил это чувство. Когда ты бессилен что-то изменить, пустая сентиментальность превращается в дешевое позерство.

— Молодой господин, если это и впрямь разбойники, нам стоит продолжать слежку? — вполголоса спросил начальник стражи Мэн.

— Будем следить, — решительно ответил Юань Ли. — Но пока обойдемся без кровопролития. Возьми двух человек, прихватите немного провизии и, прикинувшись простыми крестьянами, выйдете к ним. Посмотрим на их повадки. Если они заберут еду, не причинив вам вреда, мы отдадим им половину наших припасов.

Взгляд Юань Ли в мгновение ока стал холодным как лед.

— Но если они задумают грабеж и убийство — казнить на месте. Мы не можем позволить им добраться до жителей Жунъяна.

— Слушаюсь! — Мэн коротко поклонился.

Он и двое стражников скинули верхние одежды, извалялись в грязи для достоверности, собрали в мешки сухие лепешки, бурдюки с водой и несколько серебряных монет. Сделав крюк, они зашли к беженцам с другой стороны.

По правде говоря, эта проверка на человечность была не совсем честной. Люди, доведенные до крайней степени голода и жажды, куда легче поддаются животным порывам. Однако Юань Ли не мог закрывать глаза на опасность, которую они представляли для других, какими бы несчастными они ни были.

Вскоре Мэн и его люди столкнулись с беженцами.

Как и ожидал Юань Ли, при виде мешков в руках «крестьян» толпа заволновалась. Оборванцы уставились на них голодными глазами, то и дело сглатывая слюну; в их взглядах зажегся недобрый, почти звериный блеск.

Один из них даже замахнулся каменным ножом, делая шаг к Мэну. Стражники уже были готовы схватиться за скрытое оружие, но их остановил предводитель группы.

Это был молодой мужчина, кожа да кости. Несмотря на изможденный вид, взгляд его оставался острым. Он тоже сглатывал слюну от голода, но голос его звучал угрожающе:

— Бросайте всё и убирайтесь вон!

Мэн изобразил на лице смертный испуг. Переглянувшись с товарищами и помня наказ господина, они с нарочитой неохотой опустили мешки на землю, развернулись и бросились прочь.

Предводитель мигом вцепился в поклажу. Он быстро просмотрел содержимое, вытащил лепешки и воду, а остальное — включая мешочки с деньгами — скомкал и швырнул вслед

убегающим стражникам.

— Нам нужны только еда и вода! Остальное оставьте себе! Нам не нужны ваши деньги!

Мэн и его люди на лету поймали свои вещи. Они в недоумении уставились на кошель с серебром, переглянулись и вернулись к Юань Ли, который наблюдал за всей сценой из укрытия.

Юань Ли задумчиво посмотрел на вожака беженцев.

— Идемте. Пора познакомиться.

В толпе беженцев люди жадно вгрызались в лепешки. Впрочем, каждому досталось лишь по крохотному кусочку размером с ладонь — остальное старший бережно отложил в сторону, явно для каких-то иных целей.

Услышав шум, все как один вскинули головы. Люди ощетинились своим самодельным оружием, глядя на пришельцев с тревогой и затаенной злобой — видимо, они приняли отряд Юань Ли за кого-то другого.

Молодой вожак, чье лицо было покрыто слоем дорожной пыли и пепла, держался спокойнее остальных. Он сразу определил, кто здесь главный, и уставился на Юань Ли. Его голос, сухой, как треск увядшего дерева, прозвучал хрипло:

— Кто вы такие?

Юань Ли снял со своего пояса бурдюк с водой и бросил его мужчине, показывая, что не замышляет зла.

— Смелый воин, вы ведь беженцы из Ханьчжуна?

Тот поймал бурдюк одной рукой, но пить не спешил. Напротив, он стал еще подозрительнее.

— Допустим. И что с того?

— Не напрягайся так, я не враг вам, — Юань Ли мягко улыбнулся. — Вода чистая. Буду честен: яд, которым можно было бы вас отравить, стоит дороже ваших жизней.

Толпа затихла. Молодой человек рывком сорвал пробку и, не сводя глаз с Юань Ли, сделал жадный глоток. Его кадык дергался, он пил захлеб, но быстро взял себя в руки и передал воду товарищам.

Юань Ли велел раздать им остальные бурдюки и спросил:

— Как твое имя?

Мужчина помедлил.

— Ван Второй.

— Почему вы подались в горы? И почему вас так мало? Разве старики и дети не бежали вместе с вами?

После этих вопросов Ван Второй вновь напрягся и помрачнел, храня молчание.

Юань Ли проявил терпение:

— Если вас всего несколько человек, я могу дать вам немного еды, но на этом всё. Если же с вами семьи — жены, дети, старики — я могу предложить вам дело и пропитание.

Эти слова задели за живое людей, перенесших столько лишений. Многие с надеждой посмотрели на Ван Второго. Тот поджал губы и спросил:

— Какое еще дело?

— Пойдете ко мне на ферму, — ответил Юань Ли. — Будете возделывать землю, а мужчины из вашего числа станут охранять поместье. Взамен — жилье, еда и жалованье. Денег поначалу будет немного, но вы всегда будете сыты и одеты.

Ван Второй заколебался:

— Хочешь сделать нас своими слугами?

В те времена это означало стать частью дома. В мирные годы — прислуга и работники, в смутные — личная гвардия, готовая по первому зову взяться за копьё. Каждая знатная семья или богатый купец имели таких людей.

— Именно так, — спокойно подтвердил Юань Ли.

Беженцы переглядывались. Ван Второй, стиснув зубы, спросил напоследок:

— Мы тебя знать не знаем. Почему мы должны тебе верить?

Мэн, стоявший рядом, холодно хмыкнул:

— Перед вами молодой господин из дома уездного начальника Жунъяна. Этого довода достаточно?

Ван Второй опешил, и его лицо заметно посветлело. Он низко, почтительно поклонился:

— Так вы тот самый господин Юань? Большая честь встретить вас лично.

Юань Ли лишь едва заметно прищурился, в очередной раз убедившись, какую силу имеет «добрая слава». В эту эпоху человек, известный своим благочестием и любовью к родителям, априори не считался дурным. В глазах народа тот, кто так предан матери, просто не мог совершить подлость.

Юань Ли впервые по-настоящему ощутил, что его спектакль с лекарством окупился сторицей.

Ван Второй и его товарищи доверились ему и согласились привести остальных. Оказалось, что у подножия горы в укрытии прячутся женщины, дети и старики — всего около сотни душ. Юань Ли приказал Мэну помочь Ван Второму переправить людей, чтобы под покровом ночи незаметно доставить их на ферму.

Этим вечером Юань Ли и его стража набрали диких трав и сварили похлебку, чтобы накормить несчастных. Многие принимали чашки дрожащими руками. Едва коснувшись губами горячей еды, люди тихо плакали — кто от радости, что смерть отступила, кто от горя по близким, не дошедшим до этого дня.

Ван Второй тоже жадно ел, не отрываясь от миски. К нему подсел некий Лю Дагэнь и прошептал на ухо:

— Ван Второй, если мы теперь за сыном начальника пойдем, как же наш план? Будем грабить того продажного чинушу?

— А как же, — процедил Ван Второй, и в глазах его сверкнула ярость. — В Ханьчжуне страшная засуха, люди мрут, а этот вор караван за караваном шлет в Лоян серебро и золото. Взятки везет, чтобы свои грехи прикрыть. Мы скорее подохнем, чем дадим ему довести награбленное! Но господин Юань — сын чиновника. Нельзя его подставлять. Мы сделаем всё в тайне от него, чтобы не втягивать нашего благодетеля.

Лю Дагэнь тяжело кивнул:

— Понял. Можешь на меня положиться.

Ван Второй прикинул в уме: каравану того взяточника оставалось дня два-три пути до Лояна. Они ограбят его, но не оставят грязные деньги себе. Они принесут их молодому господину Юаню и будут умолять его использовать эти средства для спасения других беженцев из Ханьчжуна. С его-то добрым сердцем он наверняка не откажет.

Тем временем за сто миль от них, в Лояне.

В резиденции князя Чу.

Сам князь и его супруга, госпожа Ян, тоже думали о Юань Ли.

Глаза госпожи Ян опухли от слез — было видно, что она не спала много ночей подряд. Голос её звучал слабо и надтреснуто:

— Брачное предложение уже отправлено в Жунъян через доверенных людей. Как только дом Юань даст согласие, начнем приготовления. Наш Фэн-эр слишком слаб, он не сможет лично присутствовать на церемонии. К счастью, Цзые вернулся. Пусть он заменит брата на свадьбе.

— А этот Чу Хэчао станет нас слушать? — холодно хмыкнул князь. — Если он встанет вместо брата на церемонии, боюсь, он так напугает юного господина Юаня, что тот в тот же миг пожалеет о замужестве.

Госпожа Ян на мгновение замолчала.

— Что же нам еще остается? Наш Фэн-эр...

Голос её пресекся, она не смогла договорить.

Лицо князя Чу потемнело. Спустя долгую паузу он сменил тему:

— Что это за юноша из семьи Юань?

Госпожа Ян немного смягчилась:

— Ребенок хороший. Жаль только, положение семьи подкачало.

Князь вздохнул:

— Тяжело придется этим детям.

Госпожа Ян лишь покачала стороной, не желая продолжать. Она достала старый альманах и принялась внимательно изучать записи. На её лице появилась слабая улыбка:

— Мой господин, как вам этот благоприятный день?

Князь взглянул и изумился:

— Через шесть дней? Матушка, не слишком ли поспешно?

Госпожа Ян прошептала, едва сдерживая слезы:

— Мой господин... если мы будем ждать дольше, наш Фэн-эр может просто не дожить.

В глазах князя заблестели слезы. После долгого молчания он лишь тяжело кивнул.

От автора:

Дорогие читатели, я вернулся! Немного затянулся мой отдых, но вот и новая глава. В ближайших трех главах нас ждет свадебное торжество, а в финале я раздам «красные конверты»!

Мир в романе вымышленный, это не прямая история Китая.

Главного героя (актива) зовут Чу Хэчао, его почетное имя — Цзые. Оба героя совершеннолетние, однако Юань Ли еще не исполнилось двадцати, поэтому второго имени у него пока нет.

<http://bllate.org/book/15161/1633239>